

Жироская Валентина Борисовна**Zhiromskaya Valentina Borisovna**

доктор исторических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
главный научный сотрудник Института российской
истории Российской академии наук

D.Phil. in History, Professor,
Russian State University for the Humanities,
Chief Research Fellow,
Institute of Russian History of
the Russian Academy of Sciences

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В 1920-Е ГГ. – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE GAINFULLY EMPLOYED POPULATION OF THE RSFSR IN THE 1920S – MID-1930S

Аннотация:

В статье рассмотрен возрастно-половой состав самодеятельного населения России в один из сложнейших периодов ее истории – 1920-е – середина 1930-х гг. В основу работы положены материалы всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. Показано влияние на возрастно-половую структуру самодеятельного населения Первой мировой и Гражданской войн, иностранной интервенции, а также экстремальных событий 1930-х гг. – насильственной коллективизации, форсированной индустриализации, голода. Выявлен ряд долгосрочных последствий этих событий: сокращение в составе экономически активного населения молодых людей самого трудоспособного и репродуктивного возраста; преждевременное старение населения, особенно сельского; избыточное применение женского труда, в том числе на физически тяжелых неквалифицированных видах работы; преждевременное вовлечение в трудовую деятельность юношества, в том числе не достигшего совершеннолетия.

Ключевые слова:

экономически активное население, профессиональный состав, возрастно-половая структура, диспропорция полов, демографическая политика, всесоюзные переписи населения.

Summary:

The study reviews the age-sex composition of the gainfully employed population of Russia in one of the most difficult periods of its history, i.e. the 1920s – mid-1930s. The research is based on the materials of the All-Union Censuses of 1926 and 1937. The paper demonstrates the influence of the First World War, Civil War, allied intervention, and the extreme events of the 1930s (forced collectivization and industrialization, hunger) on the age-sex composition of the gainfully employed population. The long-term effects of the above-mentioned events are revealed. They include a decreasing part of young people of the most able-bodied and reproductive age group; premature aging of the population, especially rural one; excessive use of female labor, in particular assigning women to unskilled heavy labor; early employment of young people who are under age.

Keywords:

gainfully employed population, professional composition, age-sex structure, imbalance of men and women, demographic policy, All-Union Censuses.

В истории демографического развития населения России период 1920-х – 1930-х гг. – один из самых сложных. Демографические процессы того времени испытывали на себе влияние нескольких важнейших факторов. Прежде всего это были последствия многомиллионных людских потерь в годы Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции. Голод 1921 г. увеличил людские потери. Эти события поставили Россию на грань демографической катастрофы. Вместе с тем в послевоенный мирный период 1920-х гг. начал активно развиваться процесс демографической компенсации, направленной на восстановление населения. Эта тенденция была поддержана государственной демографической политикой.

Демографическое состояние населения в целом в 1920-е гг. рассматривалось многими исследователями [1]. Однако для полной характеристики демографических последствий войн необходим анализ демографического состояния экономически активного (по терминологии переписей «самодеятельного» или «занятого») населения. Самодеятельное население РСФСР составляло 86,6 млн чел., или 58 % всего населения (здесь и далее представлены данные, полученные по расчетам автора) [2].

В деревне доля занятого населения была больше, чем в городе: 61,3 и 43,8 % соответственно [3]. Это объяснялось наличием в городе значительного числа учащихся, а также более поздним приобщением детей и подростков к трудовой деятельности, которую они в основном начинали в 16 лет.

Обращают на себя внимание высокая доля занятости среди женщин – более половины (52,6 %) от всего женского населения и низкая среди мужчин – 64,2 % от всего мужского населения [4]. Эти данные свидетельствуют о потерях трудоспособного мужского населения и значительном распространении вследствие этого женского труда.

Особенно велика была разница в занятости женщин в городе и селе. Если в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 % от всего женского населения села, т. е. более половины всех женщин, проживавших там, то среди горожанок работающих женщин всего 28,4 %, или чуть более четверти. В селе женщина традиционно была занята в хозяйстве вместе с мужем и подрастающими детьми. По терминологии переписей 1923 и 1926 гг. женщины в деревне являлись, как правило, «членами семьи, помогающими главе в его занятии». В городах в условиях безработицы при наличии многодетных семей женщина реже участвовала в производстве. Патриархальное хозяйство в городе отсутствовало, а занятость в общественном производстве и городском хозяйстве требовала профессиональной подготовки и соответствующего образования.

Данные о возрастной структуре самодеятельного населения еще резче отразили последствия войны. Среди занятых довольно много было 10–15-летних подростков (14,1 %), вместе с молодежью от 16 до 30 лет они составляли 53 %, т. е. чуть больше половины всех работающих; лиц зрелого возраста от 30 до 49 лет – 30,2 %; лиц пожилого возраста от 60 лет и старше – всего 6,7 % [5]. Хотя занятость подростков была все еще достаточно велика, последствия войны и обусловленная ими необходимость привлекать нетрудоспособное население к работе начали преодолевать, если судить по незначительному проценту пожилых людей, заменявших на производстве ушедших на фронт. О том же свидетельствуют данные о группе лиц предпенсионного возраста, имевших невысокий удельный вес среди работающих – 9,0 %.

Возрастной состав работающих женщин был характерен для того времени. Доля женщин 16–29 лет составляла 40,4 % всех занятых женщин [6]. Это значит, что большая часть женщин работали до замужества, когда у них еще не было семьи и детей. Начиная с 25-летнего возраста, удельный вес занятых женщин сокращался. Особенно это характерно для городского населения.

Возрастные структуры самодеятельного населения города и деревни отличались друг от друга [7]. В городе по сравнению с деревней было очень мало работающих детей, подростков и стариков. Так, процент занятых городских детей 10–14 лет достигал 2,7, а сельских – 12,4; подростков 16–17 лет – соответственно 4,2 и 7,4. Группа 20–24-летних в городе преобладала – 16,2 % (в селе – 13,1 %). Всего же молодежь 16–29 лет в городах составляла 41,8 %, в селе – 38,5 % [8].

В деревне было больше работающих детей и подростков – подпасков, пастухов, батраков, тогда как в городе в то время уже действовало трудовое законодательство, запрещавшее детский труд.

Людей зрелого возраста в самодеятельном населении города и села было меньше, чем молодежи, – 38,9 и 29,8 %, 50–59-летних – 9,3 и 8,9 % соответственно. Что касается лиц старше 60 лет, то в занятом населении городов их удельный вес составлял 6,0 %, а села – 6,7 % [9]. В городе в 1920-е гг. уже действовала система пенсионного обеспечения, которой в деревне не существовало, поэтому соотношение занятости у пожилых людей сложилось несколько иное, чем в других группах.

Доля мужчин в самодеятельном населении превышала удельный вес женщин – 53,3 и 46,7 % соответственно. При этом преобладание в городе занятых мужчин было выражено ярче – 67 и 33 %, в селе – 51,1 и 49,9 % соответственно, т. е. почти поровну, что объяснялось характером самого сельского труда. Соотношение мужчин и женщин в сельском самодеятельном населении мало варьировалось по возрастным группам: несколько выше был удельный вес женщин в группах 16–29 лет (50,7 %), в более позднем возрасте после рождения детей доля занятых женщин понижается, но незначительно, не опускаясь ниже 48 %. Лишь после 60 лет уровень их занятости заметно падал (38 %), оставаясь все же довольно высоким [10].

Разница в соотношении полов в разных возрастных группах в городе была гораздо резче, чем в деревне. Так, в группе 15-летних женщины составляли 46,2 %, 16–17-летних – 47,2 %, 18–19-летних – 41 %, 20–24-летних – 35,4 %, 25–29-летних – 32,3 %, 30–59-летних – 27–28 %. Вновь повышается удельный вес занятых женщин среди 50–59-летних (43 %) [11]. Очевидно, что городские женщины работали либо до замужества, либо овдовев, либо вырастив детей. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин в городах была больше, чем в селе, женщины в городах раньше, чем в селе, вдовели и снова возвращались на работу.

Характеристика возрастано-половой структуры населения имела свою специфику у различных общественных групп [12]. Возьмем за основу градацию переписи 1926 г., основанную на положении их в занятии: рабочие, служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артелей, хозяева-одиночки,

члены семьи, помогающие главе в его занятии, иждивенцы государственных учреждений, безработные и деклассированные. Распределение по полу и возрасту в каждой из этих групп обладает своими особенностями.

Возрастной состав рабочих к середине 1920-х гг. качественно улучшился по сравнению с 1920 г., когда в их рядах было много детей, подростков, стариков. К 1926 г. на смену им пришли вернувшиеся с фронта и из деревень квалифицированные рабочие. В итоге дети и подростки 10–14 лет составили среди рабочих-мужчин 2,9 %, а среди женщин-работниц – 3,6 %. Доля пожилых рабочих 60 лет и старше также резко сократилась – до 2,7 % среди мужчин и 2,8 % среди женщин [13].

Обращает на себя внимание активный приток молодежи на производство: доля молодых людей 16–29 лет составляла почти половину всех рабочих – 47,8 % мужчин и 52,5 % женщин. Таким образом, молодежи среди женщин было больше. Но рабочие включали в себя и большой контингент лиц зрелого возраста, например группа 30–49 лет составляла 42,8 % среди мужчин и 38,6 % среди женщин [14]. Доля женщин в зрелом возрасте в силу рассмотренных выше причин начала сокращаться по сравнению с мужской.

Удельный вес молодежи и лиц 30–49 лет среди городских рабочих был более значительным, чем среди сельских. Среди последних было больше детей, подростков и стариков 60-летнего возраста и старше. Например, 10–14-летних рабочих в городе было всего 0,4 %, а в селе – 6,4 % [15].

Исследование распределения рабочих по полу свидетельствует о том, что среди рабочих мужчины составляли большинство, а женщины – лишь четвертую часть. Начиная с 25-летнего возраста, процент женщин убывал. Преобладание среди рабочих мужчин обуславливалось распространенностью в промышленности, строительстве, на транспорте тяжелых форм физического труда. Поэтому низкий процент занятости женщин был особенно характерен для городских рабочих.

Возрастной состав служащих был близок к составу рабочих с той разницей, что среди них было еще больше лиц зрелого возраста и, соответственно, меньше молодежи. Это естественно, так как для многих видов умственного труда требовалось образование. Мужчины преобладали и среди служащих, правда, в несколько меньшей степени, чем среди рабочих.

Среди лиц свободных профессий (адвокатов, врачей, артистов, священнослужителей и прочих лиц, не состоявших на государственной службе) было много пожилых людей: 33,6 % старше 50 лет. Доля женщин в этой группе была чрезвычайно мала, особенно в сельской местности, где она не превосходила 6 % [16].

Лица зрелого и пожилого возраста преобладали и среди хозяев с наемными рабочими: 30–49-летние составляли более половины хозяев этой категории, 50–59-летние – 14,2 %, 60-летние и старше – 15 %. Среди молодых наиболее многочисленной была группа 25–29-летних (12,1 %). Лица моложе 25 лет в группе хозяев встречались очень редко, так как предпринимателю надо было иметь капитал и опыт. В деревне в силу патриархальности состав хозяев был более пожилой, чем в городе. Так, лица 60 лет и старше составляли там 16 %, а в городах – 9,4 % [17]. Но были и другие причины, обусловившие такой возрастной состав хозяев с наемными рабочими. Дети хозяев, приспособляясь к новым условиям, предпочитали становиться госслужащими или рабочими государственных предприятий. Число женщин среди хозяев этой категории было невелико. Это в основном пожилые женщины, нередко вдовы (особенно в деревне), вынужденные прибегать к найму рабочей силы, чтобы вести хозяйство.

Возрастной состав хозяев, работающих только с членами своей семьи, был близок предыдущей общественной группе. Пожилых в этой группе насчитывалось еще больше, а женщины – хозяева и главы семей были совсем редки. Кроме того, они были значительно старше хозяев-мужчин. Например, группа 50–59-летних составляла здесь среди мужчин 16,6 %, а среди женщин – 4,5 % [18].

Но существовала и более молодая группа – хозяева-одиночки. Лица 60 лет и старше составляли здесь 8 %, а молодежь 16–29 лет – почти 30 %. Доля женщин в данной группе возрастала до 24,7 %. Характер занятий этой группы был близок к занятиям рабочих [19].

Члены семей, помогающие главе в его занятии (женщины, дети, подростки и молодые люди, еще не успевшие обзавестись своим хозяйством), – это единственная группа самостоятельного населения, в которой женщины составляли большинство. Доля детей и подростков 10–15 лет достигала здесь 17,2 % в городах и 24,5 % в селах [20].

Среди безработных перепись 1926 г. зафиксировала большое количество молодых людей 16–29 лет – примерно 56 % и лиц зрелых возрастов – 34,0 %. Доля женщин среди безработных составляла 42 % в городах и 33,7 % в сельской местности [21]. Если учесть, что уровень их занятости был относительно невысок, то вывод очевиден: они гораздо чаще, чем мужчины, теряли работу.

Деклассированное население, главным образом нищие, состояло в основном из детей и стариков. Среди этой категории встречались лица молодого и зрелого возраста, примерно 5 % (инвалиды, жившие подаванием, опустившиеся люди, проститутки). Однако в те годы проституция не была распространена столь широко и существовала преимущественно в скрытых формах.

Поэтому перепись среди женщин, отнесенных к группе деклассированных, зафиксировала очень небольшой процент молодых: 16–19-летних – 2,8 %, 20–24-летних – 3,2 % [22].

Иждивенцы государственных учреждений – это в основном дети, содержавшиеся в детских домах и приютах, а также учащиеся, обеспеченные стипендией (53 % этой группы). Кроме того, сюда относятся пенсионеры по возрасту и инвалиды, получавшие пособия от государства (16,1 %) [23].

Таким образом, данные переписи 1926 г. о возрастно-половой структуре населения РСФСР свидетельствуют, что в середине 1920-х гг. она все еще несла на себе ощутимые следы военных потерь и голода 1921 г., хотя и шел процесс ее восстановления. Особенно ярко это отразилось на составе самодеятельного населения.

Молодежь и лица трудоспособных зрелых возрастов пополняли главным образом группы рабочих и служащих. Во всех категориях самодеятельного населения были представлены женщины, в основном молодые. Деформация проявилась в нарушении соотношения полов в рабочих возрастах в пользу женщин, высокая занятость которых в общественном производстве видна на примере групп 25–29 и 30–34-летних. Это видно во все еще заметной роли подростков и стариков, занятых на производстве, где сохранялся тяжелый ручной труд.

1930-е годы принесли новые испытания, негативно повлиявшие на естественный процесс воспроизводства населения. Насильственная коллективизация, форсированная индустриализация и последовавший за этими социально-экономическими преобразованиями голод 1932–1934 гг. вновь ввергли страну в демографическую катастрофу. В мирное десятилетие между переписями 1926 и 1939 гг. РСФСР потеряла около 5 млн чел. [24]. В 1933 г. на территории РСФСР был зафиксирован отрицательный естественный прирост населения в результате сверхсмертности в период великого голода. Убыль населения по ряду регионов России как в городах, так и в сельской местности продолжала фиксироваться и в 1934-м, и в начале 1935 г.

Опорной при характеристике демографического состава населения в 1930-е гг. является перепись 1937 г. Она отчасти сопоставима с переписью 1926 г., поскольку это последняя перепись, которая учитывала такие категории населения, как лица свободных профессий, лица, живущие на доходы от продажи имущества, а также на доходы от сдачи домов, комнат и других помещений (рантье), а не только рабочих, служащих, кооперированное население, единоличников [25].

В демографическом составе населения первой половины 1930-х гг. не изжита деформация в соотношении полов. Женщины преобладают среди жителей и городов, и сел: 52,2 и 52,8 % соответственно. При этом среди молодежи в деревне женщин насчитывается уже 54 %. Среди лиц зрелого возраста (30–49 лет) женщин в городе 51,4 %, а в деревне – 53,1 % [26].

В составе самодеятельного населения села среди колхозников-земледельцев мужчин чуть более одной трети. В те годы земледелие не было технически достаточно оснащено, преобладал тяжелый физический труд. Любопытно, что в 1926 г. самостоятельными хозяевами – земледельцами были почти одни мужчины.

В 1930-е гг. мужчины предпочитали уходить в город на стройки, работать в областях промышленности и железнодорожного транспорта.

Женский труд преобладал в 1930-е гг. и среди единоличников-крестьян. Зато среди работников административно-управленческого аппарата в городах и селах лидировали мужчины. Женщин было довольно много среди руководителей культурно-просветительных учреждений (31 %). В основном женщины работали в общеобразовательных школах, детских дошкольных учреждениях, школах ликбеза [27].

Мужчины преобладали в составе рабочих и служащих городов, среди работников кооперативных предприятий в городах, особенно среди руководителей кооперативов (70 %) [28]. Женщины составляли большинство иждивенцев государственных учреждений и живущих от сдачи домов. Среди «нетрудящихся элементов» было больше мужчин.

Состав рабочих и служащих сильно пополнялся молодежью, в значительной степени сельской. Вымывание молодежи из села проходило уже и в 1920-е гг. В период 1930-е гг. проявился процесс демографического старения деревни. Такие категории самодеятельного населения, как кооперированные и некооперированные кустари, лица свободных профессий, имели пожилой возраст [29].

Анализ возрастно-половой структуры самодеятельного населения показывает, что последствия Первой мировой и Гражданской войн и иностранной интервенции в 1930-е гг. еще не были изжиты. Военные людские потери привели к сокращению в составе экономически активного населения молодых людей самого трудоспособного и репродуктивного возраста. Первая половина 1930-х гг. характеризовалась новыми потерями населения, в том числе самодеятельного. В результате названных потерь зародилось несколько негативных тенденций в демографическом развитии населения. Это преждевременное начало старения населения, особенно сельского, связанное с пониженным удельным весом в возрастной структуре молодых трудоспособных возрастных групп 1914–1921 годов рождения, а также 1896–1904 годов рождения. Кроме того, из-за военных потерь наметилась устойчивая тенденция избыточного применения женского труда, в

том числе на физически тяжелых неквалифицированных видах работы. Отрицательным явлением было преждевременное вовлечение в трудовую деятельность юношества, в том числе не достигшего совершеннолетия. Эти отрицательные тенденции носили долгосрочные характер.

Ссылки и примечания:

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Оценка численности населения СССР. 1926–1941 (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7 ; Их же. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. 143 с. ; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М. ; Л., 1930. 273 с. ; Жиromская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М., 2012. 320 с. ; Зайцев В.А. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 3–93 ; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000. 244 с. ; Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика. Избранные произведения. М., 1974. 352 с. ; Красная Москва, 1917–1920. М., 1920 ; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР: за время мировой войны и революции. М., 1926. 124 с. ; Население России в XX в.: исторические очерки. М., 2000. Т. 1. 463 с. ; Новосельский С.А. Демография и статистика. Избранные произведения. М., 1978. 272 с. ; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. 270 с. ; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956. 352 с. ; Уиппл Дж.Ч., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. 683 с. ; Урланис Б.Ц. Рост населения в СССР. М., 1966. 38 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 21. С. 226–245 ; Т. 22. С. 212–229 ; М., 1930. Т. 24. С. 87–105 ; Т. 25. С. 124–141 ; Т. 32. С. 82–116.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 34. С. 118–172.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 9. С. 24 ; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 38 ; Жиromская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. 280 с. ; Ее же. Основные тенденции демографического развития России в XX в.
25. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги : сб. док. и материалов. М., 2007. С. 77–80.
26. Там же.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 80–82.
28. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 244. Л. 17–18.
29. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. С. 81–84.

References:

- All-Union Population Census of 1926 1929*, Moscow, Vol. 9, p. 24. Vol. 21, pp. 226-245. Vol. 22, pp. 212-229, (in Russian).
All-Union Population Census of 1926 1930, Moscow, Vol. 24, pp. 87-105. Vol. 25, pp. 124-141. Vol. 32, pp. 82-116. Vol. 34, pp. 118-172, (in Russian).
All-Union Population Census of 1937. Overall results: collection of documents and materials 2007, pp. 77-84, (in Russian).
All-Union Population Census of 1939: overall results. Russia 1999, St. Petersburg, p. 38, (in Russian).
Andreev, EM, Darsky, LE & Kharkova, TL 1990, 'Estimating the population size of the USSR. 1926-1941 (Brief research results)', *Vestnik statistiki*, no. 7, (in Russian).
Andreev, EM, Darsky, LE & Kharkova, TL 1993, *The population of the Soviet Union: 1922-1991*, Moscow, 143 p., (in Russian).
Isupov, VA 2000, *Demographic disaster and crisis in Russia in the first half of the 20th century*, Novosibirsk, 244 p., (in Russian).
Kaminsky, LS 1974, *Medical and demographic statistics. Selected works*, Moscow, 352 p., (in Russian).
Krasnaya Moskva, 1917-1920 1920, Moscow, (in Russian).
Lubny-Gertsyk, LI 1926, *The movement of the population on the territory of the USSR: during the world war and revolution*, Moscow, 124 p., (in Russian).
Novoselsky, SA 1978, *Demographics and statistics. Selected works*, Moscow, 272 p., (in Russian).
Polyakov, YuA 1986, *Soviet country after the end of the Civil War: territory and population*, Moscow, 270 p., (in Russian).
Population of Russia in the 20th century: historical essays 2000, vol. 1. 463 p., (in Russian).
Rashin, AG 1956, *Population of Russia for 100 years (1813-1913). Statistical essays*, Moscow, 352 p., (in Russian).
Urlanis, BTs 1966, *Population growth in the USSR*, Moscow, 38 p., (in Russian).
Volkov, EZ 1930, *The dynamics of the population of the USSR for eighty years*, Moscow, Leningrad, 273 p., (in Russian).
Whipple, JCh & Novoselsky, SA 1929, *Fundamentals of demographic and health statistics*, Moscow, 683 p., (in Russian).
Zaytsev, VA 1927, 'On the population size of European Russia', *Vliyaniye neurozhayev na narodnoye khozyaystvo Rossii*, Part 2, Moscow, pp. 3-93, (in Russian).
Zhiromskaya, VB 2001, *The demographic history of Russia in the 1930s. A view on the unknown information*, Moscow, 280 p., (in Russian).
Zhiromskaya, VB 2012, *The main trends in the demographic development of Russia in the 20th century*, Moscow, 320 p., (in Russian).